

ЛИНГВИСТИКА

УДК 801.3.016

DOI 10.17223/19986645/20/1

О.И. Блинова

ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА СЛОВА: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

Статья посвящена одному из сложных феноменов лингвистики – понятию и термину «внутренняя форма слова», первооткрывателем и разработчиком которого был академик А.А. Потебня. Рассматриваются различные трактовки этого понятия-термина и предлагается его обоснование, принятое в рамках мотивологического научного направления.

Ключевые слова: внутренняя форма слова, мотивационная форма, мотивационное значение, мотивированность.

...Звук в слове не есть знак, а лишь оболочка, или форма знака; это т<ак> с<казать> знак знака, так что в слове не два элемента, как можно заключить из... определения слова как единства звука и значения, а три.

А.А. Потебня

Термин внутренняя форма слова (ВФС) предложен акад. А.А. Потебней, им же разработаны содержание и структура обозначаемого научного понятия [1–4]. С тех пор (70-е гг. XIX в.) и до настоящего времени то затихает, то возобновляется интерес к ВФС представителей разных научных направлений, пытающихся предложить свои трактовки непростого феномена языка. Иногда такие попытки сопровождаются мифами, но значительно чаще они заслуживают серьёзного внимания и интерпретации.

Сначала – о мифах. Первый миф связан с мнением о том, что ВФС не играет заметной роли в языке, его функционировании. В качестве доказательства приводятся следующие аргументы: а) ВФС осознаётся носителями языка в течение недолгого времени, лишь в начале появления лексической единицы в языке, затем она вскоре забывается и исчезает, подобно строительным лесам, которые убирают, когда строение завершено; б) в языке наряду с мотивированными словами существуют и немотивированные лексические единицы, ВФС в которых вообще отсутствует; в) одним из постоянно действующих лексических процессов является процесс демотивации, итог которого – утрата ВФС (Е.М. Галкина-Федорук, В.А. Звегинцев, М. Докулил, Б.А. Серебренников и др.) [5. С. 97; 6. С. 118 и др.].

В противовес названным аргументам можно привести показания мета-языкового сознания, полученные как посредством проведения психолингвистических экспериментов с носителями языков, так и вне их, в процессе становления естественного общения.

Свыше 414 000 показаний метаязыкового сознания носителей разных языков – славянских (русского, польского, украинского, болгарского), тюркских (казахского, татарского), индоевропейских (английского, немецкого, французского) – нашли отражение в работах по описательной и сопоставительной мотивологии (А.Д. Адилова (Жакупова), И.Е. Козлова, А.С. Филатова (Савенко), Н.А. Чижик (Тихонова), А.В. Михеева (Шевчик) и др. (см.: [7; 8. С. 255–257; 9; 10], на страницах мотивационных словарей [11, 12]. Осознание ВФС носителями языков неоспоримо.

Факт существования в языке немотивированных слов наряду с мотивированными не может служить контраргументом, так как в любом языке число мотивированных лексических единиц превалирует, все немотивированные слова вовлекаются в мотивационные отношения в роли лексических или структурных мотиваторов, благодаря чему подавляющее число немотивированных слов включается в мотивационные отношения, оставляя за их рамками, например, в русском языке приблизительно 1,5 % одиночных слов. Существенно не меняет общей картины процесс демотивации, который не носит активного характера, являясь результатом действия фонетико-морфологических и лексических преобразований и процессов языка (работы И.А. Кунгушевой), в то время как противоположный ему процесс – процесс ремотивации – активно наполняет лексикон мотивированными словами (работы М.В. Курышевой, Т.А. Гридиной, Н.Д. Голева, В. Ченьковского и др.) [13. С. 68–81], отражая действие тенденции к мотивированности языкового знака.

Как показали исследования последних десятилетий, ВФС обладает широким функциональным спектром. В разных сферах языка и речи – коммуникативной, когнитивной, эмоциональной, метаязыковой – выявлены функции ВФС: типологизирующая, экспрессивно-эстетическая, репрезентативная, мотивирующая, когнитивная и др. [6. С. 119–122; 8. С. 99–120]. Одна из ведущих функций ВФС системообразующая. Являясь средством выражения мотивированности слов и их мотивационных связей, ВФС создаёт мотивационные парадигмы, совокупность и взаимосвязь которых образуют каркас всего лексикона языка. Таким образом, ВФС полифункциональна и представляет собой лингвистическую универсалию.

Следующий миф носит характер штампа, общего места во вводной или историографической части работ, посвященных ВФС. Имени А.А. Потебни, первооткрывателя и разработчика ВФС, нередко предшествует имя В. фон Гумбольдта, основателя теории внутренней формы языка, но не внутренней формы слова. Каких-либо свидетельств о преемственности идей учёных, живших в разные годы XIX в., не приводится.

Таковы мифы, а какова реальность в изучении ВФС?

Внутренняя форма слова как научное понятие являет собой один из самых сложных феноменов современной лингвистики и лингвистики прошлого. Попытки определить ВФС делали ученые разных лингвистических сфер и направлений: специалисты по общему языкознанию и этимологии, ономастологии и словообразованию, лексикологии и стилистике. К феномену ВФС проявляли интерес философы, логики и психологи. ВФС посвящают статьи,

главы книг и монографии. В словарях лингвистических терминов ВФС неизменно предоставляется отдельная словарная статья.

А.А. Потебня, родоначальник понятия ВФС, оставил на страницах своих сочинений результаты мучительных поисков и попыток определить сущность этого феномена, используя разные подходы (об этом далее), что породило разные интерпретации потебнианского взгляда на ВФС. В одной из таких интерпретаций, предложенных В.В. Библихиным в книге «Слово и событие» (раздел «В поисках сути слова»), высказывания А.А. Потебни о ВФС названы удивительными, загадочными. Исследователь приходит к выводу: «Настойчивые попытки разобраться в клубке мысль – вещь – мир – слово – язык достойны того, чтобы упорство проявляли и мы. Пока до этого далеко» [14. С. 91–92].

Некоторые исследователи считают странным сам термин «внутренняя форма слова», имея в виду в одном случае своеобразный лексический повтор: *форма* (внутренняя), *формы* (о звуковой оболочке слова), а в другом случае – правомерность использования компонента *внутренняя* по отношению к понятию «форма»: считая, что форма может быть только внешней [15. С. 322].

Труды А.А. Потебни отражают диахронный подход к определению ВФС, ономаσιологический и семасиологический аспекты в её трактовке и два взгляда на природу ВФС: первый связан с характеристикой ВФС как латерального, идеального (психического) компонента слова, как признака, образа, легшего в основу наименования («ближайшее этимологическое значение слова»), «*tertium comparationis* в слове» [3. С. 100] и т.д., второй – с представлением о ВФС как билатеральном, материально-идеальном его компоненте, что имплицитно выражено учёным при анализе ВФ ряда слов, например: «...слово *стол* значит только простланное (корень *стл*, тот же, что в глаголе *стлать*) <...> слово *туча* (корень *ту*, пить и лить) [3. С. 74] <...> в слове *радуга* (корень *дуг* – доить), т.е. пить и напоить, тот же, что в слове *дождь*). <...> В ряду слов того же корня, последовательно вытекающих одно из другого, – включает А.А. Потебня, – всякое предшествующее может быть названо внутренней формой последующего» [3. С. 120]. И слово, и корень билатеральны, а значит, билатеральна и ВФС, которую А.А. Потебня соотносил только с корневой частью слова [6. С. 115].

Таким образом, из вышеприведённых рассуждений учёного вытекает следующее представление о ВФС: а) она имеет и идеальную, и материальную структуру, составляющую, наряду с другими его элементами – звуковой оболочкой слова и его значением, третий элемент – знак знака, который и есть внутренняя форма слова.

Закономерно возникает вопрос: какова структура ВФС? Эксплицитно выраженный ответ на него в преобладающем большинстве работ, посвящённых ВФС, не даётся.

За истекшие 150 лет со времени появления в терминосистеме понятия ВФС предложено много разных её определений, как правило приуроченных к тем или иным научным направлениям.

Этимолог воспринимает ВФС сквозь призму этимона: «связь звукового состава слова и его первоначального значения» (В.В. Иванов), дериватолог – через связь производного слова и производящего (А.И. Фёдоров, И.С. Улуха-

нов, Е.А. Земская), ономасиолог – через номинационный признак (М.М. Гинатулин, А.И. Фёдоров, В.Г. Гак), когнитолог – сквозь призму гештальт-структуры, концептуализацию объектов действительности (В.Н. Телия, Т.И. Вендина, И.В. Хохлова, Е.Е. Чикина, Т.А. Сидорова), лингвокультуролог – с опорой на выражение определённого видения мира (Н.Г. Комлев, И.В. Четыркина, Т.А. Сидорова) и т.д.

Приближенными к трактовке ВФС следует считать попытки учёных, связанные со свойством мотивированности слов. Основополагающими в этом плане явились высказывания В.В. Виноградова, М. Докулила, Д.Н. Шмелёва, В.Г. Гака. «Различия между мотивированными и немотивированными словами, – считает В.В. Виноградов, – обусловлены не только грамматическими, но и лексико-семантическими связями слов. Тут открывается область новых смысловых отношений в структуре слова, область так называемых «внутренних форм слова» [16. С. 17]. В разных вариантах мысль о мотивированности находит отражение в трактовках ВФС разных исследователей (О.С. Ахмановой, Д.Э. Розенталя и М.А. Теленковой, Е.П. Стемковской, О.И. Блиновой, В.Н. Немченко, О.П. Ермаковой и Е.А. Земской, Л.Л. Касаткина, И.А. Ребрушкиной и др.). В расширенном и уточнённом виде мысль о связи мотивированности и ВФС разработана в рамках мотивологии в 70-е гг. XX в. [17. С. 3–17; 18].

Разброс и расхождения в трактовках ВФС, как оказалось, зависят: от подхода – временного (синхронный или диахронный) и научного направления, от определяемого объекта (структура, вид структуры, морфо-мотивационный механизм, признак, образ, связующее звено между производным и производящим словами, лингвокультурологический феномен, мотивационная форма, значимый сегмент звуковой оболочки слова), от выделяемых компонентов структуры слова (корневая часть, основа слова, слово в целом, «левая» и «правая» части слова), от значения (буквальное значение, этимологическое значение слова, мотивационное значение), от сочетания тех или иных выше-названных составляющих.

Сложность и неполнота в определениях и трактовке ВФС обусловлены прежде всего сложностью самого объекта номинации: его внутрисловным статусом, двуединством, сопряжённым с явлением наложения компонентов ВФС, не получивших терминообозначения.

В рамках мотивологии, науки о мотивированности слов и мотивационных отношениях, ВФС получила следующую формулировку: ВФС – это морфо-семантическая структура слова, позволяющая объяснить связь его звучания и значения [17. С. 3–17; 13. С. 14–66; 8. С. 34–91].

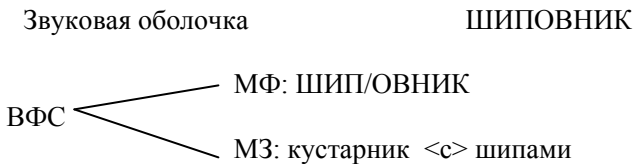
Данное определение включает: номинацию объекта (ВФС, 1-й компонент), его двуплановость (материально-идеальную структуру, 2-й компонент), связь с метаязыковым сознанием (3-й компонент), для выявления его мотивированности (4-й компонент). Двуплановость структуры ВФС конкретизируется, получая терминологическое обозначение: мотивационная форма и мотивационное значение (5-й и 6-й компоненты) [18. С. 6–8], что позволяет оперировать соответствующими понятиями, определяя их состав и свойства.

Мотивационная форма и мотивационное значение, представляя «третий, внутренний член» лексической единицы, находятся с ним в отношении нало-

жения: мотивационная форма в отношении наложения со звуковой оболочкой слова, мотивационное значение – с лексическим значением, но не только.

Мотивационная форма (МФ) подобно морфемной структуре вычленяется носителем языка в виде значимых сегментов звуковой оболочки слова (шиповник → шип/овник, ср.: крыж/овник); материализуясь, она соотносится с лексическим значением слова, обретая элементы содержания: шип + куст, формируемые мотивационной формой: кустарник <с> шипом. Так рождается мотивационное значение (МЗ).

В формировании мотивационной формы и мотивационного значения участвуют и мотивирующие слово единицы – лексический и структурный мотиваторы (например, для слова *шиповник* – лексический мотиватор *ШИП*, структурный – *крыжОВНИК*:

Лексическое значение ‘дикая кустарниковая роза с шипами’
[8. С. 61–63]

Схема наглядно иллюстрирует двуединство структуры слова, с одной стороны, и внутренней формы – с другой, демонстрируя их билатеральность. Под МФ понимаются значимые сегменты (или сегмент) звуковой формы слова, обусловленные его мотивированностью. МЗ – это значение (синтез значения) мотивационной формы слова.

Правомерность выделения обоих компонентов структуры ВФС убедительно подтверждена в ходе проведения психолингвистических экспериментов на материале тематических групп фитонимов, орнитонимов, зоонимов, наименований предметно-бытовой лексики славянских, индоевропейских, тюркских языков.

Думается, что нижеприводимые размышления по поводу ВФС имеют отношение к существу её содержания и формы. Известный философ Г.Г. Шпет полагал, что ВФС в данном случае «может выступать абсолютной формой, формой форм словесно-логического плана, т.е. формой форм как чувственной, так и смысловой данности» [19. С. 101]. «Внутренняя форма слова, – развивает данное высказание Н.Ф. Алефиренко, – в отличие от понятия – категории объективной <...> характеризуется способностью к субъективному <...> представлению предметов номинации в языковом сознании говорящих на определённом языке <...> В этом случае речь идёт скорее о внутренней форме слов как словесно-логическом представлении заключённого в них смысла» [20. С. 7].

Предложенная трактовка ВФС в конечном варианте – морфосемантическая структура слова, позволяющая осознать взаимообусловленность его звучания и значения – широко и разнопланово апробирована.

Она позволила разработать термин-понятие в разных аспектах: в онтологическом – выявлена структура ВФС не только по горизонтали (МФ и МЗ), но и по вертикали (мотивирующая часть ВФС и формантная часть), определены типы ВФС (вариантная / невариантная, метафорическая / неметафорическая, лексикализованная / нелексикализованная, живая / мёртвая) [21. С. 16–18]; в функциональном – выявлены функции ВФС, в их числе эксплицирующая – связанная с выражением ряда свойств слова (мотивированности, образности, экспрессивности, интенсивности); гносеологическая – отражающая посредством мотивировочных признаков итоги познавательной деятельности человека; номинативная – представляющая компонентами ВФС номинативную триаду: принципы и признаки номинации (прямой и опосредованный), средства номинации; системообразующая – реализующая типы мотивационных связей (лексический и структурный); эстетическая – представляющая различные стилистические приёмы и фигуры речи (приёмы оживления ВФС, наделения слова ВФ, инотолкования ВФС, квазиремотивации) и ряд других [21. С. 18–23; 8. С. 99–120; 6. С. 119–122]; в лингвокультурологическом – посредством ВФС определяются разряды лингвокультурологических помет у образных слов и двусловных номинаций (олицетворение, антропоморфизм, мифоморфизм, зооморфизм, фитоморфизм и др.) [22. С. 132–136]; в динамическом – с помощью типов ВФС квалифицируются классы слов, подвергшихся процессам лексической или структурной ремотивации, демотивации, лексикализации ВФС [8. С. 149–189]; в сопоставительном аспекте ВФС служит основным материалом для определения общности и специфики сопоставляемых языков [8. С. 190–206]; в лексикографическом – главный объект словарной статьи представляет мотивированное слово и его ВФ [8. С. 207–234].

Апробация термина осуществлена и осуществляется в исследованиях по описательной и сопоставительной мотивологии, насчитывающих сотни публикаций (работы А.Д. Адиловой (Жакуповой), В.Г. Наумова, Н.Д. Голева, Т.А. Демешкиной, А.Н. Ростовской, Н.Г. Нестеровой, Г.В. Калиткиной, И.Е. Козловой, О.С. Михайловой, З.И. Резановой, А.С. Филатовой (Савенко), Н.А. Чижик (Тихоновой), Е.А. Юриной (Шенделевой), М.Н. Янценецкой и многих других [7].

Ранее отмечалось, что А.А. Потебня соотносил ВФС только с корневой морфемой. Единственно возможно при лексикологическом подходе соотносить ВФС со всем словом, со словом как целостной единицей, включая суффиксы и окончания. На то она и есть внутренняя форма СЛОВА. Например, к ВФ наименований животных и птиц русского языка безусловно относится значимый сегмент КА: БЕЛ/КА ‘зверёк <с> белым <брюшком> (не БЕЛ/К!)’, НОР/КА ‘зверёк, <обитающий в> норах’ (не НОР/К), КУКУшКА ‘птица, <которая> кукует’, ГАЛ/КА ‘птица, <которая> галдит’. Значимым сегментом в названиях явлений природы является АН: бур/АН, ураг/АН, тум/АН (последние два слова полумотивированные). Значимым сегментом в наименованиях цвета является сегмент ИСТЫЙ: серебр/ИСТЫЙ, золот/ИСТЫЙ и т.д.

Тема о значимых сегментах слов заслуживает отдельной разработки. В настоящее время, когда составлен ряд мотивационных словарей и получены

сотни тысяч показаний метаязыкового сознания говорящих на разных языках, эта проблема решаема.

Литература

1. *Потебня А.А.* Из записок по русской грамматике. Т. 1–2. М.: Учпедгиз, 1958.
2. *Потебня А.А.* Из записок по теории словесности. Харьков, 1905.
3. *Потебня А.А.* Мысль и язык (извлечения) // Хрестоматия по истории языкознания XIX–XX веков. М.: Учпедгиз, 1956.
4. *Потебня А.А.* Мысль и язык. Киев: СИНТО, 1993.
5. *Серебренников Б.А.* Как происходит отражение картины мира в языке? // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М.: Наука, 1988.
6. *Блинова О.И.* Внутренняя форма слова и её функции. // Русистика сегодня. М.; 1995. № 2. С. 114–124.
7. *Мотивология: библиогр. указ.* / сост. О.И. Блинова, А.С. Филатова; под ред. О.И. Блиновой. Томск: Изд-во Том. ун-та. 2004. 78 с.
8. *Блинова О.И.* Мотивология и её аспекты. 3-е изд., испр. и доп. М.: КРАСАНД, 2010. 304 с.
9. *Савенко А.С.* Мотивационно-сопоставительный словарь русского и английского языков: Фитонимы. М.: LENAND, 2012. 192 с.
10. *Савенко А.С.* Мотивационно-сопоставительный словарь русского и английского языков: Орнитонимы. М.: LENAND, 2012. 200 с.
11. Мотивационный диалектный словарь: Говоры Среднего Приобья / под ред. О.И. Блиновой. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1982–1983. Т. 1–2.
12. *Мотивационный словарь сибирского говора* / сост. О.И. Блинова, С.В. Сыпченко. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. Т. 1–2.
13. *Блинова О.И.* Явление мотивации слов: Лексикологический аспект. 2-е изд., испр. и доп. М.: ЛИБРОКОМ, 2010. 208 с.
14. *Бибихин В.В.* Слово и событие. М., 2001.
15. *Ребрушкина И.А.* О термине и понятии «внутренняя форма слова» // Русский язык: Исторические судьбы и современность: IV Междунар. конгресс исследователей русского языка, Москва, 20–23 марта 2012 г.: Труды и материалы. М., 2010. С. 321–322.
16. *Виноградов В.В.* Русский язык: Грамматическое учение о слове. М.; Л.: Учпедгиз, 1947.
17. *Блинова О.И.* Явление мотивированности слов в собственно лексикологическом аспекте // Вопросы сибирской диалектологии. Омск, 1976. Вып. 2. С. 3–17.
18. *Блинова О.И.* Ключевые термины мотивологии: Испытание временем (1971–2011 гг.) // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. Сер.: Гуманит. науки (Филология). 2012. Вып. 10 (125). С. 136–140.
19. *Шпет Г.Г.* Философские этюды. М., 1994.
20. *Алефиренко Н.Ф.* Когнитивно-семасиологическое содержание языкового знака // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. Сер.: Гуманит. науки (Филология). 2005. Вып. 3 (47). С. 5–10.
21. *Блинова О.И.* Русская мотивология: Словарь терминов мотивологии. 3-е изд., перераб. и доп. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. С. 13–67.
22. *Блинова О.И.* Двусловные номинации в аспекте теории образности и лингвокультурологии // Сиб. филол. журн. 2011. № 1. С. 132–136.